

Публикация С. В. Шумихина
Сборник материалов ЦГАЛИ СССР.
Встречи с прошлым. Выпуск 7.
Москва, "Советская Россия", 1990.
OCR Ловецкая Т. Ю.

Михаил Алексеевич Кузмин, автор прекрасных стихов, прозы, музыкальных и драматических произведений, а также образцовых переводов античной классики, произведений французских и итальянских авторов, французских стихов В. К. Тредиаковского, всегда был высоко ценим знатоками отечественной словесности. Что касается так называемого "широкого читателя", то ему еще предстоит настоящее знакомство с творчеством этого мастера, достойного стать рядом с крупнейшими поэтами России XX века, такими как Блок, Ахматова, Мандельштам, Цветаева, Ходасевич.

Одновременно (если такие прогнозы вообще допустимы) можно предположить, что запоздавшее на полстолетия признание Кузмина вряд ли примет формы схожие, например, с близким к обожанию почитанием Марины Цветаевой ее многочисленными поклонницами и поклонниками. Всегда стремившийся к обособленности и независимости, Кузмин и при жизни оставался первоклассным поэтом лишь для сравнительно узкого круга ценителей. Он сознательно сторонился всяких литературных школ (походя будучи зачисляем критикой то в пост-символисты, то в акмеисты, то в неоклассики). В статье "Стружки" Кузмин так излагал свое *credo*: "Нужно быть или фанатиком (т. е. человеком односторонним и ослепленным), или шарлатаном, чтобы действовать, как член школы. Впрочем, и каждое действие требует этих же свойств. Без односторонности и явной нелепости -- школы ничего не достигнут и не принесут той несомненной пользы, которую могут и должны принести. Но что же делать человеку не одностороннему и правдивому? Ответ только цинический: пользоваться завоеванием школ и не вмешиваться в драку" (цит. по: Родник. 1989. No 1. С. 16. Публ. Р. Д. Тименчика).

Немалую роль в отчужденном отношении современников к творчеству Кузмина сыграли и те обстоятельства, которые, хотя и лежали вне литературы, достаточно полно отразились в его произведениях -- от "Александрийских песен" (1905) до цикла "Форель разбивает лед" (1929). Речь идет о тех отклонениях от общепринятых норм интимной жизни, которые были Кузмину органически присущи и которые он не только не таил, а наоборот, всячески поэтизировал, сделав из них один из источников своего вдохновения, пытаясь при их помощи перекинуть мостики от современности к миру Древнего Египта, античности или итальянского Возрождения. Надо прямо сказать, что эти обстоятельства остаются до сих пор одним из главнейших препятствий на пути широкой публикации некоторых произведений Кузмина, разрабатывающих темы, традиционно запретные для русской литературы; в еще большей степени сказанное относится к его дневникам -- 18 довольно толстым общим тетрадам ежедневных записей, охватывающим (с пропусками) период с конца 1905 по 1931 год и составляющим, по приблизительным подсчетам самого Кузмина, около 120 печатных листов текста.

Дневники эти, вместе с целым рядом рукописей и писем из своего архива, Кузмин продал осенью 1933 года Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики (спустя год получившему свое современное название -- Государственный литературный музей). Писатель откликнулся на обращение директора музея В. Д. Бонч-Бруевича ко многим литераторам с просьбой присылать свои архивы. Отнеся оценку рукописей и эпистолярии на усмотрение экспертной комиссии музея, Кузмин в письме к Бонч-Бруевичу от 23 ноября 1933 года особо остановился на своих дневниках, оценивая их в 20 000 рублей "...с правом обнародования после моей смерти, а если при жизни частично, то всякий раз с моего разрешения" (ф. 612, оп. 1, ед. хр. 1349).

До сих пор публиковались лишь небольшие фрагменты из этого уникального в своем роде источника (назовем, например, отрывки с упоминаниями о Блоке, подготовленные К. Н. Суворовой. -- Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 143--174). Напечатанные фрагменты, естественно, не дают сколько-нибудь полного представления о содержании дневников Кузмина вдобавок действующие в течение ряда лет ограничения на выдачу их в читальный зал архива по морально-этическим соображениям привели к возникновению вокруг этого памятника разного рода легенд. Например, дневники Кузмина сравниваются по своим историко-литературным достоинствам с дневниками братьев Гонкур или А. Жида (Толмачев М. Он был поэт перворазрядный // Книжное обозрение. 1988. No 15. С. 7). На самом деле трудно представить себе что-либо более далекое от дневников братьев Гонкур, чем дневники Кузмина. В свое время составители издания "Константин Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников" (М.: Искусство. 1979) Ю. Н.